

© Л. И. ИБРАЕВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА¹

(К проблеме отношения семиотики и лингвистики)

1. Знаковость мира

Одна из причин давней и до сих пор продолжающейся дискуссии о знаковости языка² – расхожее понимание знака как любой вещи, имеющей значение, представителя (репрезентанта) другой вещи.

Оно идет от Т. Гоббса³ и Ч. Пирса («Под знаком я понимаю любое, что сообщает какое-либо понятие об объекте»⁴), Ф. де Соссюра⁵ и Э. Кассирера, который ставит себе в заслугу, что ему неизвестно другое определение знака, кроме как явления, имеющего смысл⁶, представителя предметов (Stellvertreter). Его разделяют Ч. Моррис⁷, Ч. Осгуд⁸. Да и в нашей литературе оно не редкость; к нему близко даже наиболее обстоятельное определение знака, данное в монографии Л.О. Резникова «Гносеологические вопросы семиотики» и воспроизведенное в «Философской энциклопедии»³.

Именно из такого понимания знака логично вытекает знаковость языка и даже *всей* культуры, да и *всего* мира, а сам человек объявляется «знаковым животным» («animal symbolicum»): ведь слова, образы и все вещи вокруг имеют для нас какое-то значение, вызывают представления, чувства, мысли, следовательно, все они знаки.

Семиотическое понимание мира в лингвистике, эстетике и других науках имеет принципиальное значение, поскольку предполагает, что все науки должны перейти на понятия и методы семиотики. Такое распространение явления знака за его истинные границы назовем *семио-*

---

¹ Сводка по статьям: *Л.И. Ибраев*. Надзнаковость языка. // *Вопросы языкознания*. М.: Академия наук, 1981, № 1, с.17 – 35; *Л.И. Ибраев*. К проблеме генезиса знаков и их классификации. // *Философские науки*. М.: Высшая школа, 1984, № 5, с. 30 – 39.

² См. последние выступления: *Будагов Р. А.* Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени, М., 1978, с. 47–50; *Панфилов В. З.* Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания. // *Вопросы языкознания*, 1979, №4, с. 10 - 11,14; *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы современного языкознания. // *Вопросы языкознания*, 1979, № 4, с. 23; *Звегинцев В. А.* К вопросу о природе языка. // *Вопросы философии*, 1979, № 11, с. 72.

³ *Гоббс Т.* Избр. произв. М., 1964, т. 1, с. 61; т. 2, с. 62.

⁴ *Peirce Ch.* Collected papers, Cambridge (Mass.), 1960, vol. 1, p. 285, 346; vol. 2, p. 135, 156, 169.

⁵ *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики, М., 1933, с. 73, 77–79.

⁶ *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen, Bd. 3, Berlin, 1929, S. 53, 109, 126.

⁷ *Morris Ch.* Grundlagen der Zeichentheorie. München, 1972, S. 20, 91, 93,

⁸ «Семиотика и искусствоведение», М., 1972, с. 287 – 288

тизмом – в отличие от достойной уважения семиотики, подобно тому, как различают механику и механицизм, физику и физикализм, химию и химизм и т. д. Связь, особенно в структурализме, с развитием символической логики, формализованных языков и кибернетики придает ему вид строгой научности.

Многие наши философы и лингвисты (Л. А. Абрамян, А. Ф. Лосев, И. С. Нарский, Н. Ф. Овчинников, В. З. Панфилов, Л. О. Резников, В. И. Солнцев и др.) критикуют в той или иной мере такое определение знака как весьма широкое и ведущее к «семиотическому идеализму». Однако эта неудовлетворенность гоббсовским понятием знака пока не устранена появлением более глубокой концепции, поэтому им до сих пор продолжают пользоваться (нередко и сами его критики). Высказывается даже сомнение, возможно ли ныне дать строгое общее определение знака: ведь существует немало разногласий и множество разных видов знаков⁹.

В семиотике отсутствует устоявшаяся общепризнанная классификация знаков.

Наибольшее распространено исходящее от Демокрита – Т.Гоббса деление знаков на «естественные» и «искусственные».

Его видоизменением является и модная в настоящее время классификация Ч. Пирса. Он разделяет свои объемлющие мир знаки на три вида: 1) *индексы* (те же «естественные») – знаки, которые ассоциируются с обозначаемым объектом в силу связи, существующей между ними в природе: туча – знак дождя, флюгер – знак направления ветра, и т. п.; 2) *изобразительные* знаки («иконические») – те, которые ассоциируются с вещью в силу своего сходства; 3) *символы*, «условные знаки», не имеющие природно обусловленной связи и являющиеся таковыми только «в силу соглашения»¹⁰.

Традиционно также деление знаков на языковые и неязыковые. Так, Гуссерль называет языковые знаки “выражениями” (Ausdrücke), а неязыковые – “признаками” (Anzeichen), считая, что последние не выражают никакой мысли и при этом не служат средствами общения¹¹. Однако в таком случае какие же это знаки? И как быть с неязыковыми символами, которые тем не менее имеют значения и служат средствами общения?

Ч. Моррис подразделяет знаки на сигналы и символы, но в произвольном значении, отличном от принятого в языке. По отношению же к

---

⁹ См., например. Лосев Л. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с.89; Налимов В. В. Вероятностная модель языка М., 1979, с. 47.

¹⁰ См.: Peirce Ch. Op. cit., vol. 1, p. 171, 176; vol. 2, p. 51; 161, 257.

¹¹ См.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Halle, 1901, т. 2, с. 23, 24.

«внеязыковым объектам» он классифицирует вовсе не знаки, а обозначаемые объекты. К тому же проводит эту классификацию довольно неполно и схоластично. Сохраняются у него также и иконические знаки¹².

Подобные классификации с некоторыми вариациями становятся традиционными¹³.

Л. О. Резников констатирует: «Задачу... классификации знаков... пока еще нельзя считать решенной. Имеющиеся классификации страдают многими недостатками; не соблюдается единый принцип классификации, либо он выбирается случайно и произвольно, либо классификация оказывается неполной и некоторые знаки в нее не попадают, либо допускаются еще какие-нибудь недостатки» (С. 33).

В чем ограниченность семиотического «империализма»?

На мой взгляд, основной недостаток семиотизма, откуда происходят его прочие пороки, заключается в невнимании к обусловленности человеческого сознания процессом практического отражения¹⁴, оттого бедном и чрезмерно широком понятии знака и его недialeктическом рассмотрении вне развития и разносторонних связей.

В частности, так и существующие классификации знаков страдают таким неисторическим подходом. До сих пор нет серьезного анализа знака в становлении; все семиотические явления рассматриваются как готовые, неизменные, рядоположенные и никак не связанные друг с другом, и, даже когда речь идет о животных, у них находят готовыми все: не только знаки, но и языки.

Однако каким образом реконструировать становление знака?

Должно быть, прежде всего необходимо провести сравнительный анализ качественно различных семиотических явлений настоящего как различных ступеней становления и развития знака, притом не просто как реликтовых остатков прошлого, а как низших видов, послуживших условием, основой и элементами образования следующих, более высоких видов и сохраняющихся не только вне их, но и в них снятыми, и тем самым создать **генетическую классификацию** дознаковых и знаковых форм, установить среди них такие, которые до сих пор не замечались, и более глубоко и полно выявить сущность знака.

---

¹² См.: *Morris Ch.* Grundlager der Zeichentheorie München, 1972, s. 97.

¹³ См. *Резников Л. О.* Указ. соч., с. 36, 102, 145–157. *Клычков Г, С.* Классификация знаковых систем – В кн.: Семиотика и восточные языки. М., 1967, с. 57– 64, *Lawadowsky L.* A. classification of signs and semantic system. – In. Sign. Language. Culture. The Hague – Paris, 1970, p. 29– 49; *Bense M., Walter E.* Worterbuch der Semiotik. Koln, 1973, S 39 - 40. 117,129; *Мантатов В. В.* Образ, знак, условность. М., 1980, с. 13, 26 -28.

¹⁴ Смысл такого странного определения – см. *Л.И. Браев* Ворота философии. 2004, гл. 5.

2. Признаки

Начнем с возмещаемой семиотистами якобы знаковости “обычных вещей”.

Обычные вещи, природные или созданные людьми (хозяйственные и бытовые), разумеется, имеют значение, вызывают у нас образы других вещей («несут информацию»), однако не являются знаками в собственном смысле слова, даже какими-нибудь «естественными» или «индексами», потому что не являются *средствами общения*: они никем не созданы, как та же туча, либо созданы, как хотя бы стол, но не для сообщения о другой вещи. А нейронно-синапсная связь между физиологическими основами образов таких вещей является *обычным рефлексом или ассоциацией* и свойственна *всем животным* с нервной системой, даже каким-нибудь медузам, хотя те и не применяют знаки.

Большинство объектов воспринимаются нами как вещи, обладающие какими-то практическими свойствами безотносительно к психической связи их образа с образом другой вещи, а знаки – это вещи, созданные людьми, но сами по себе, вне своей знаковой функции, для нас бессмысленные: не природные вещи, не орудия и не средства потребления. Поймав в 1967 г. идущие из космоса периодические радиоимпульсы, английские астрономы приняли их сначала за сигналы внеземной цивилизации. Но как только открылись естественные закономерности пульсаров, они перестали считаться знаками.

А как же символы? Изображение весов или лиры на фронтоне здания, лавровый венок, пиктограммы, схемы идеограмм, хотя бы дорожных, топографических знаков, иероглифов – разве они сами по себе бессмысленны?

Но эти вещи или их изображения становятся знаками только благодаря *искусственности*, то есть вырванности из закономерной для них ситуации и функционированию в незаконномерной для них ситуации. А весы на прилавке – не символ справедливости, а просто прибор для определения веса. И сверх того, благодаря коммуникативной выделенности – расположения в ситуации, требующей знака. Весы, валяющиеся под прилавком, тоже находятся вне собственной закономерной ситуации, но не являются символом.

Такова диалектика: объективная обесмысленность наполняет вещь знаковым смыслом, выделяя в ней признак другого, делает символом. И *любая* вещь, вынесенная из ее закономерной ситуации в коммуникативную, становится символом. Так, солнце становится символом силы жизни, колос – земледельцев, циркуль – конструкторов, монета – буржуазии, письменный стол – бюрократии, диван – лени, чайка – мечты

о свободе, буреизвестник – революции и т. д.

Лишь невнимание к практической действительности и собственной закономерности обычных вещей и к *коммуникативной функции* знака может приводить к обобщениям, вроде того, что одежда или пища есть знак, а одевание или питание – язык (Р. Барт). Идеализм не принимает первичности материальных взаимодействий, и ему становится необходимо представить одежду или родственные отношения не в качестве результатов или регуляторов экономических отношений, а всего лишь знаковыми системами, – только тогда в них можно усмотреть результаты каких-то абстрактных структур вроде языкового синтаксиса.

Обычные вещи – не знаки. Языковое сознание давно и точно называет их *признаками* (indication, Anzeichen). Признак есть вещь, явление или их черты, вызывающие рефлекс, ассоциацию или мысль о другом.

Виды признаков по их функции многообразны: *о р и е н т и р ы* – пространственные признаки; *с и м п т о м ы* – признаки явлений, скрытых внутри; *п о к а з а т е л и* – признаки уровня развития; *п о к а з а н и я* приборов – искусственные (созданные человеком) признаки; *п р и м е т ы* (Merkmal, token) — признаки отличительные: черты объекта, по которым можно узнать его тип (род, класс), средство *у з н а в а н и я* (идентификации) объектов в восприятии. В свою очередь среди примет выделяются: *м е р а* – количественная примета какого-то качества; *к р и т е р и й* – примета ценностных качеств, утилитарных, истинностных, эстетических, нравственных и т. д.

По содержанию признаки бывают природные и социальные: психические, этнические, политические, эстетические и т. д. Конечно, одежда – как признак – может служить также и знаком: пурпурные тоги и горностаевые мантии, короны, цилиндры или кепки, клеши или джинсы – намеренные знаки общественного положения, истинные или ложные. Одна из причин стиля и моды в одежде, в оформлении техники и бытовых вещей состоит как раз в том, что утилитарные вещи одновременно могут выступать и знаком принадлежности к определенной общественной категории и времени. Но в первую очередь социальные вещи имеют практическое назначение, хотя вместе с тем могут выступать признаками. Лоснящиеся обноски на человеке, конечно, свидетельствуют о его бедности или неряшливости, но не потому что он подает знаки, хочет об этом сообщить другим. Умствования Барта об одежде-языке для бедняка – просто издевательство. Тем более не знаки – природные вещи, не имеющие сообщающего.

Признак не знак, но в одном он похож на него: он, так же как и

знак, вызывает образ других предметов – имеет значение. Он может быть даже многозначным и антонимичным: та же туча может предвещать и дождь, и «рассеянную бурю», – и опасность молнии, и спасение урожая. Но с другой стороны признак не имеет сообщающего *автора*, а потому не имеет образа – значения в сознании сообщающего, искусственной созданности, коммуникативной функции и не несет сообщения – *авторского образа*.

Таким образом, значение – шире знака. По этому сходству признаки называют знаками, и это верно метафорически, но приводит семиотистов к поспешным выводам о всеобщности знака и знаковости сознания.

После выявления таких различий признака и знака их смешение может показаться невероятным, но оно факт (см. сноски 1-13) и даже используется исстари для мистических спекуляций: если все окружающие вещи – знаки, то чьи? Ответ на этот вопрос тогда остается один: знаки потустороннего творца мира, – так открывая нам их небесного автора, рассуждал еще Д. Беркли¹⁵. Вот какому менталитету родствен семиотизм.

Как видим, признак тождествен знаку только с одной стороны – со стороны воспринимающего – и называть его знаком можно только метафорически. Именно такой односторонний подход и толкает семиотистов к отождествлению признака со знаком и ведет к поспешным выводам о всеобщности знака и знаковости сознания.

На самом же деле *сознание* является, если можно так выразиться, *признаковым*. Это значит, что, 1) все окружающие вещи выступают для нас как признаки, т. е. рефлексивно, ассоциативно и мысленно вызывают образы других вещей. Во-2) образы вещи выступают ее признаками. Ведь каждую вещь мы видим каждый раз с какой-то одной стороны и угла зрения, поэтому в самых различных объектах; но в каждом из них мы опознаем ту же вещь или того же рода. Так, глядя на круглое отверстие чашки сбоку, мы видим вытянутый эллипс или даже полоску, но воспринимаем круг. При этом мы узнаем в вещи и такие прежде познанные свойства, которые в этот раз недоступны нашим чувствам и даже тем, о которых вообще узнаем не зрением, а ощущаемыми движениями и действиями с вещью: ее пространственные формы и размеры, пластические свойства (твердость, упругость и т. д.), гравитационные (тяжесть или легкость) и т. д.

Признаковость присуща психике с самого начала ее развития. Ощущение низших животных, скажем, какой-нибудь запах, есть и образ – некоторое слабое подобие его источника, отличное от него в силу

---

¹⁵ Беркли Д. Соч. М., 1978, с.221.

зависимости также от природы нервов и организма, и п р и з н а к – указание на многие другие связанные с ним, но отличные свойства вещи. И уже в анализе этого элемента психики, ученые, начиная от Локка, Мюллера и Гельмгольца и до Леви-Стросса, не сумевшие овладеть диалектикой подобия и различия вещи с признаковостью, последнюю принимают за знаковость ощущения. Это и служит основой так называемой *знаковой концепции ощущений*. В действительности из ощущений как малых образов и признаков вещей в практическом взаимодействии с вещами складываются более полные образы в широком смысле слова, хотя и в них действует соответственно еще более широкая признаковость.

Признаковость составляет существенный механизм нашего восприятия, без понимания которого невозможно его моделирование в перцептронах – электронных устройствах для распознавания вещей и изображений, в частности для восприятия речи ¹⁶.

Именно в признаковости восприятия заключается причина *многозначности образов*. В одних и тех же сочетаниях ощущений мы можем распознавать разные вещи, «давать им разные интерпретации» в зависимости от ситуации. В пятнышке у горизонта мы узнаем пешехода по ситуации: уходящей в том направлении дороге, ритму мелькающих просветов внизу, там, где могут быть ноги, и т. д. Равным образом в таком же пятнышке на окне мы узнаем букашку. И наоборот, разные образы могут иметь одно и то же значение – *синонимия образов*. Так, одно и то же лицо узнается независимо от условий и способа его видения или изображения: размеров, цвета, фаса, профиля или полуоборота и т. д.

И признаковость изображений объясняет, почему мы не узнаем изображения, даже фотографии, неизвестных нам вещей или известных, но воспринимаемых с необычной точки зрения.

Однако почему бы не условиться, что могут быть знаки без функции общения («некоммуникативные»), не искусственные, без производителя, без образов их значений в его сознании и т. д.?

Условиться переименовать, разумеется, можно что угодно. Но в таком случае всякий раз придется делать эти длинные оговорки – объяснения – или два различных, во многом даже противоположных явления мы будем именовать одним словом, создавая условия для всевозможной путаницы и даже для идеалистических выводов. Однако спрашивается, зачем затруднять себя излишними оговорками, если в языке

---

¹⁶ См.: *Бонгард М. М.* Проблема узнавания. М., 1967; *Перцептрон – система распознавания образов*. Киев, 1975; *Патрик Э. А.* Основы теории распознавания образов. М., 1980

издавна известно удивительно меткое слово для обозначения этого явления, близкого к знаку, но тем не менее не знака? Слово это *признак*.

Признак шире и первичнее знака, а не наоборот, как это получается у семиотистов. Все окружающие вещи выступают для нас признаками, а знак – только вид признака, *социально* порожденный и социально функционирующий признак. Вещи являются объектами познания, но как признаки – они еще и средства познания; а знаки – прежде всего средство вызывания знания у других, т. е. *сообщения*.

Но признаки являются естественной основой, из которой в общественной практике вырос знак, а впоследствии и язык, подобно тому, как отражение в качестве свойства материи является естественной основой сознания.

3. Генезис знака

Превращение признаков в знак и язык прошло по меньшей мере десять основных ступеней (одновременно видов знакообразий) в их генетической классификации – по степени усложнения, прибавления новых черт на каждой следующей ступени.

1-я ступень, исходная, – *признаки*, *природные* и *социальные*.

2-я и 3-я ступени – *симбиотические* признаки, *морфологические* и *поведенческие*.

В эволюции живых существ они выполняют необходимую функцию направления в способах их сосуществования (биоценозах, симбиозах и т. д.). Так, когда случайные изменения формы, цвета и запаха листьев и выделение ими нектара вызывали у насекомых-опылителей благоприятную для растения реакцию, эти изменения закрепились естественным отбором и листья превратились в цветы. Нередко цветы называют сигналами для пчел и бабочек. В действительности, цветы не созданы растением с целью общения и служат только признаком, но уже естественно отобранным в качестве признака, а для самого растения лишним и только как признак благоприятным и для него, и для сосуществующих с ним животных.

Аналогично происхождение и признаковое значение яркого оперения самцов у многих птиц и всей мимикрии, миметизма и других видов покровительственной окраски и формы.

У рыб, птиц, копытных и других стадных животных само поведение соседа становится признаком чего-то, воспринятого им и важного для других, почему и вызывает инстинктивное подражание действиям соседа. Но такое признаковое поведение неверно называть знаком или даже сигналом, потому что это обычное поведение – реакции, не имеющие целью общение.

4. Следующий вид признаков – **выражения**.

Выражения (экспрессии) – это симптомы чувств, отраженных в мышечных движениях глаз, лица, рук, груди и гортани, а потому и голоса (интонаций). Наличие в действии эмоциональных признаков называют его выразительностью. Но восприятие выражений, как и всяких объектов, является двигательным («моторным»), включает их редуцированное мышечное воспроизведение: проговаривание, пропевание, протанцовывание и т. д.; мышечные же движения ощущаемы и поэтому вызывают те же чувства, которыми они сами вызваны; выражения «заражают» своей эмоцией других. Как показали исследования Ч. Дарвина, В. Келера, Н. Н. Ладыгиной-Котс и других зоопсихологов – этологов, выражения и «заражение» ими наблюдаются у всех общественных животных: беспокойство или умиротворенность одних быстро передаются другим.

Являются ли выражения знаками?

Нет, потому что выражения являются задержанными признаковыми биологическими реакциями и потому, во-1) они обычно не могут быть произведены произвольно, во-2) они подчинены ситуации, во-3) они закономерны в своей ситуации как реакции на нее, во-4) они не имеют целью общение. Мы вздрагиваем, бледнеем, краснеем и т. д. не для того, чтобы сообщить другим о нашем испуге или смущении или тем более о внешних вещах.

5-я ступень – сигнал.

Сигнал – это искусственный признак с координационной функцией, а именно мышечное, звуковое, запаховое и т. д. действие для *побуждения к действию* других особей.

Сигналы развились из признаковых реакций на биотическую ситуацию в результате совместной деятельности стадных животных посредством отражения в их психике (в виде инстинктов у насекомых и условных рефлексов у высших животных) зависимости чужих действий, ставших важными, от собственных признаковых действий.

Что касается психического значения сигналов, то оно очень абстрактно и бледно, если вообще о нем можно говорить. Испуганный олень, криком срывающий с места стадо, не сообщает ему, что он видит. Сигналы обозначают не конкретные вещи, а только одно их общее биотическое свойство: пища! опасность! не ходить! на помощь! и т. д., но и функция сигналов – не сообщение, а вызов сразу действия.

Поскольку в сигнале признаковая реакция производится уже не для непосредственного удовлетворения потребности, а для вызова нужных действий у других, она становится биотически сокращенной и неза-

вершенной, но зато в ней увеличивается все, способствующее ее восприятию. Так, у обезьян просьба дать – это умоляющее выражение глаз и многократная имитация движений хватания, сигнал отказа от пищи – кривление губ и отворачивание морды.

Однако граница между выражением и сигналом часто стерта. Тревожный крик оленя – это и сигнал для стада, и его заражение испугом.

Люди тоже применяют сигналы, притом двух родов.

Первичные сигналы сложились стихийно из выражений. Таковы многие жесты (указательные и побудительные): угрозы – сжатый кулак, незнания – пожатие плеч и т. д. Поэтому-то они в значительной части международны.

Вторичные человеческие сигналы уже условны (конвенциональны). Они бывают двигательные, звуковые (звонки, гудки, сирены), световые (вспышки, смена цвета), электрические и т. д. – на транспорте, в производстве, в войсках. Человеческие сигналы уже осознаны и условны, но все, как первичные, так и вторичные, тоже прагматичны и ситуативны: они несут некоторое общее сообщение о каком-то важном событии в ситуации, например, – опасности, нарушения технологии процесса и т. д. и побуждение к действию (команду)

В кибернетике понятие сигнала, по-видимому, расширилось: здесь под сигналом подразумевают всякое воздействие (импульс) на самоуправляющуюся систему, которое приводит ее в самодействие, почему энергия внешнего действия несоизмерима ($>$ или $<$) с энергией действия системы. Первый признак здесь, кажется, отпал: сигналом служит не обязательно чья-то реакция на ситуацию. Но это объясняется тем, что компьютеры – не живые и не общественные системы; они созданы тоже для реакции на чужую реакцию, но реакции на ситуацию, важную не для них, а для их создателя – человека и закодированную в их программе. Таким образом, прагматичность и ситуативность сигнала охраняются и в кибернетике, но они отодвинуты и скрыты от ограниченного взгляда.

В какой мере являются сигналы знаками?

Как и знаки, они вызывают образ, но, во-1) очень абстрактный, во-2) прямая функция или цель сигнала – не сообщение, а чужое действие, в-3) сигналом служит явление, т. е. движение, которое, следовательно, возникает и исчезает, а знаком может быть не только явление, но и вещь, т. е. относительно устойчивое материальное образование. И это не случайная мелочь, а проявление другого 4-го и более существенного различия – *ситуативности* сигнала: сигнал означает реальное окружающее и как реакция определяется ситуацией, а знак может означать и

воображаемые объекты и вызываться не ситуацией. Таким образом, сигнал – уже знак, но еще ограниченный, низший вид знака.

Поэтому распространенные с конца прошлого века и до сих пор разговоры о «языке животных», даже кур, муравьев и пчел, являются гиперморфизмом – упрощающим возведением низших форм в высшие, если не метафорой. У животных существует не язык, а признаковое поведение, выражения и сигналы, хотя уже и они являются опосредованным способом регулирования поведения и, следовательно, определенного предвидения. В речи человека даже прирученные животные воспринимают прежде всего ее выражение – тон, а наши слова – для них не более, чем сигналы. Попытки Р. А. и Б. Т. Гарднеров, Р. Фукса, Д. Румбо и других психологов и этологов научить шимпанзе обозначать вещи звуками или даже жестам глухонемых (амслену), произвели в свое время сенсацию: вступление обезьян в «храм языка», коперникианская «научная революция» и т. д.¹⁷ Однако более строгий анализ показывает, что и жесты, даже в комбинации друг с другом, остаются у обезьян всегда ситуативными и выступают указателями ситуации и побудителями к непосредственному действию: дать им пищи, воды, пощекотать, выпустить погулять и т. д., – т. е. сигналами. Мы уж не говорим об отсутствии у них надзнаковых качеств языка (о которых речь дальше). Инстинкт не может быть психической основой языка в принципе, потому что он исключает произвольность и неситуативность действия.

Противоположное заблуждение – низведение знака до сигнала в бихевиористской концепции знака характерно для Дж. Уотсона в психологии, Ч. Морриса в семиотике, Ч. Огдена и А. Ричардса в эстетике, Л. Блумфилда в лингвистике, П. Бриджмена в гносеологии¹⁸. Причина такого редуktivизма – намеренно биологический подход, а у животных существуют именно сигналы, функция которых – вызов именно действия.

6-я и 7-я ступени – о б м а н н ы е (пр и т в о р н ы е) в ы р а ж е - н и я и с и г н а л ы .

Обманные выражения и сигналы возникают у высших животных, особенно обезьян, и применяются в игре или для обмана других членов стада или даже животных другого вида. Разумеется, есть они и у людей: если в быту кто-то нахмурит брови, не испытывая на самом деле недовольства, – это притворное выражение.

---

¹⁷ См.: Gardner R. A., Gardner B. T. Teaching sign-language to a chimpanzee, – Science, 1969, N 165.p. 664 – 672; Лунден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981.

¹⁸ См.: Уотсон Дж.. Психология как наука о поведении, М. – Л., 1926, с. 303 – 305; Morris Ch.. Указ. соч., с.42, 52, 68; Огден С. К., Ричардс I.A. The meaning of meaning. New York, 1956, p.11, 200, 244; Блумфилд Л., Язык, М., 1968, с.142 - 164; Бриджман P.W.. The logic of modern physics, New York, 1927, p.5 – 7.

Являются ли знаками притворные выражения? Они уже произвольны и независимы от ситуации, как это свойственно знаку, но их цель – вызвать непосредственно реакцию-поведение, а не образ, сообщение не знания («информации»), а, наоборот, заблуждения («дезинформации»). Таким образом, искусственное выражение – это переход от признака к знаку, но еще не знак, потому что т о л ь к о ложный знак.

Однако из способности к произвольным («искусственным») выражениям и сигналам в общем труде развилась способность производить сигналы независимо от ситуации, чтобы вызвать только образ, а не обязательно сразу действие, и, следовательно, произошел переход на 8-ю ступень – *знак* в полном смысле слова.

Причина превращения выражений и сигналов в знаки – не просто совместная деятельность, а **совместный труд**, который создал необходимость вызывать не сиюминутные действия на наличную ситуацию, а образы в чужом сознании для влияния на *будущие* действия в будущих ситуациях. Человеческие жесты, как стихийные, так и условные (кодифицированные), например, жесты этикета или глухонемых, в большинстве тоже имеют целью сообщение, т. е. являются знаками.

Итоговое определение знака: **знак** есть вещь или явление, 1) доступное восприятию, 2) искусственное (произведенное человеком), 3) произвольное (управляемое) и потому 4) намеренное – с целью вызвать и 5) вызывающее в сознании как его производителя, так и воспринимателя образ 6) других, отличных от него вещей или явлений, то есть применяемое для памяти или общения, а 7) в не этой мнемонической и коммуникативной функции в своей ситуации **незаконмерное**.

Некоторые виды знаков, соответствующие видам признаков: индекс – искусственный показатель; *указатель* – искусственный ориентир; *мета* – искусственная примета (зарубки, клейма, печати, значки). Когда мета употребляется только для узнавания, а не коммуникации, она может быть индивидуальной и еще не является знаком. Но всякая мета соединена с обозначаемым объектом, поэтому еще не свободный знак.

Признак – естественная основа знака; но переход признаков в знаки был скачком в новое качество, во многих отношениях противоположное, и, следовательно, отрицанием признака: заменой естественного происхождения – искусственным созданием, непроизвольности – намеренностью, практических качеств – коммуникативной функцией, естественно обусловленной связи с обозначаемым объектом – социально обусловленной связью.

Для различных значащих явлений от признаков до знаков, видимо, нужно ввести общее имя, пусть – *семиды* (от греч. *σημα* – знак, и

είδος – вид, образ) – знакообразия (по аналогии с терминами «гоминиды», «сфероиды», «карбиды», «лепиды», «цефеиды» и т. п.).

4. Обозначение

Сама вещь или явление, действующие как знак, называется носителем знака, *медиатором* или просто знаком (по Соссюру, «означающим»).

Медиатор создается искусственно и потому стал возможен только с развитием человеческой способности к созиданию. Его материальную структуру образуют **меты** – искусственные типизированные и з о б р а ж е н и я элементов его звучания или графики как средства его узнавания, поэтому в них действует закон обобщений – различий, т. е. типов. Таковы *фонемы* как элементы морфем; так называемые (по Трубецкому) «различительные (дифференциальные) признаки» (а вернее – *меты*) фонем; *графемы* – элементы иероглифов и букв; точки, тире и паузы в телеграфном коде и т. д. Их значение – «быть элементом знака» – является обычным для признака отношением части к целому. Система типов-мет и составляет алфавит какой-то знаковой системы.

Знак (*медиатор*) является материальным посредником между обозначаемым объектом и его образом – значением, но не «замещает» обозначаемое, вопреки утверждению Пирса или Морриса, и сам по себе не представляет (не «репрезентирует») его, вопреки выражению Кассирера или Бенвениста.¹⁹

Между знаком и обозначаемым объектом нет никакой непосредственной связи, ни материальной, как кажется вульгарным материалистам Моррису или Бензе²⁰, ни подобия (Платон) или изоморфизма, как думает Витгенштейн, ни тождественной «связи тела и души», как воображает Кассирер (с. 117). Рассуждения о прямой связи знака и объекта («денотации») – мистика. Как верно отмечает ряд исследователей²¹, обозначать объект – значит просто вызывать в сознании его образ. Связь знака и объекта осуществляется только через их образы.

Обозначение знаком объекта (*семиозис*, сигнификация) есть **вызывание** им образа, отражающего этот объект, а объектом или его образом – знака.

---

¹⁹ Cassirer E.. Указ. соч., 3, с. 165; Бенвенист Э.. Общая лингвистика, М., 1974, с. 76.

²⁰ Morris Ch.. Указ. соч., с. 98; Bense M. Aesthetica. Einführung in die neue Aesthetik, Baden-Baden, 1965, с. 304.

²¹ См.: Потебня А. Мысль и язык. Харьков, 1913, с. 110; Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики, Л., 1964, с. 50, 52, 56; Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 97; Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание, М., 1979, с. 66.

Но почему же знак вызывает в сознании образ обозначаемого объекта? Благодаря психической связи между образами объекта и знака. Вот почему знак существует только относительно субъекта-истолкователя, т. е. имеющего такую связь образов.

Что служит основой этой нервной связи? Очевидно, она отражает объективную связь объекта и знака. Какую? У признаков это – природная причинная, пространственная или временная связь вещей. Благодаря ей туча свидетельствует нам о приближении дождя, кашель – о болезни и т. д. Признак есть часть прежней ситуации, и его появление напоминает и об остальной ситуации. На это объективное основание образования психических связей между образами признаков обратил внимание еще Гоббс.

Но между знаком в собственном смысле слова и обозначаемым объектом (скажем, между звукосочетаниями: *стол*, *Tisch*, *table* и соответствующим предметом мебели) обычно нет никакой природной связи, ни причинной, ни пространственно-временной.

На чем же тогда основана психическая связь их образов? Вот вопрос, на который ни гегельянцы, ни позитивисты не в состоянии ответить, а эта неразрешимость проблемы толкает их к фантазиям: одни, как Кроче или Кассирер, вызывание знаком смысла объявляют «творением», «порождением» сознанием объектов [чувственное (*sinnlichen*), т. е. знаковый субстрат, «символическая форма» «конструирует» реальность (Vd. I, S. 18)] или даже «чудом» (Vd. I, S. 27); другие полагают, что значение – это какая-то субстанция (например, «информация»), «находящаяся внутри знака», а третьи, как Пирс или Соссюр, объясняют его по Гоббсу конвенциалистски – произвольным общественным договором.

Конечно, существуют знаки, образованные по более или менее произвольному соглашению (искусственные). Но на каком языке договаривались наши предки о значении слов, когда языка еще не было? Это нелепость конвенциализма, высмеянная еще Руссо.

Естественные человеческие знаки – не конвенция, они имеют такое же объективное основание, как и природные признаки, только уже основание общественное, а именно – производственную и бытовую **совместную деятельность – практику** и инвариантную реакцию окружающих на них. Не произвольное соглашение, а древность происхождения превратила лиру в символ музыкального искусства, развитие денежных отношений превратило золото в символ власти и богатства, а наибольшая артикуляционная простота превратила звуки *мама – ава* или близкие им в чуть ли не международное название матери. Однако эта объективная **общественно-практическая** связь первоначальных звуковых сочетаний с обозначаемыми вещами обычно стерта последующим; фонетическим и

семантическим развитием языка.

При обмене знаками не происходит «передачи» или «обмена» образов, это только метафоры. Представления, мысли и чувства говорящего никуда не выходят за пределы его тела.

Это явное отсутствие материального переноса образов при общении и незнание какой-либо другой основы общения приводит Шлика, Огдена и других к отрицанию самой возможности общения посредством языка к выводам о полном плюрализме значения: творцом речи объявляется не автор, а слушатель.

Однако знаковое общение – факт, а основано оно на том, что у производителя и воспринимающего знака вызываются п о д о б н ы е образы.

Следовательно, чтобы знаки служили средством общения, очевидно, необходимо, чтобы подобные друг другу образы знака и означаемого и связи этих образов существовали в головах тех, кто общается. Только тогда слова говорящего будут вызывать соответствующие образы у слушающего. Этот образ мира, составляющий *общее знание* говорящего и слушающего и предваряющий и определяющий восприятие (смысл) знака, и является тем, к чему теперь подходят лингвисты, именуя по-разному: *предпосылкой* (Voraussetzung), *презумпцией* или (пре) *суппозицией* (presupposition)²², а Мастерман (1964) и Шрейдер (1965) в своей кибернетической модели семантической информации — «тезаурусом»²³. Правда, к сожалению, все они мыслят эту общую предпосылку понимания не образной, а знаковой (семи).

5. Система обозначения

Как именно происходит обозначение?

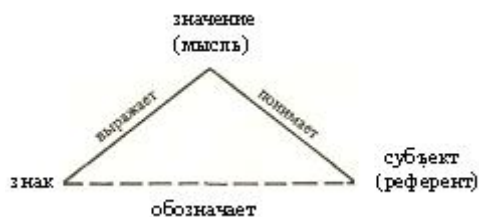
Обозначение знаком объекта (семиозис, сигнификация) есть вызывание им образа, отражающего этот объект, а объектом или его образом – вызывание знака. Отправитель знака идет от объективной вещи к ее отражению – субъективному образу, а от него снова к объективному знаку. Получатель (перципиент, интерпретатор) идет в обратном направлении от знака к образу и от него к вещи. Знак оказывается единством противоположностей: объективных вещей и объективных медиаторов и их субъективных образов. Поэтому обозначение — отношение знака к объекту – есть тоже прагматика, а не «чистая» семантика, как думают Пирс, Моррис и их ученики.

---

²² *Виноград Т.* Программа, понимающая естественный язык. М., 1976; *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике, «Семиотика и информатика», вып. 8, М., 1977, с. 91–96.

²³ *Мастерман М.* Тезаурус в синтаксисе и семантике, в кн.: «Математическая лингвистика», М., 1964, с. 160–213; *Шрейдер Ю. А.* Об одной семантической модели информации, в кн.: «Проблемы кибернетики», в. 13, М., 1965, с. 233.

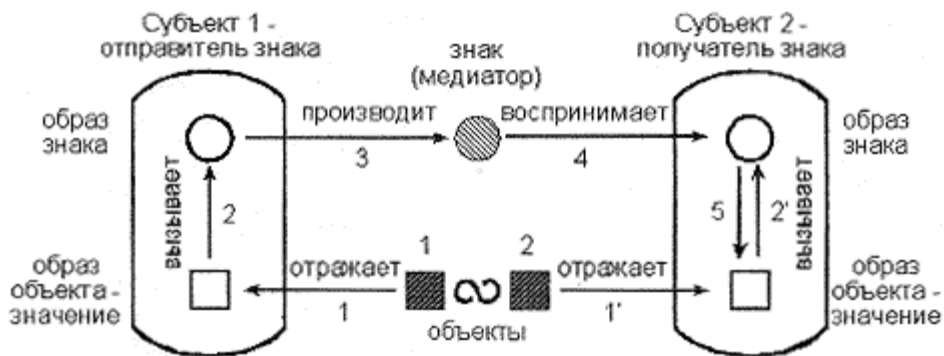
Наиболее известная схема семиозиса – так называемый треугольник Огдена – Ричардса²⁴.

Она правильно отражает опосредованность обозначения через значение, но неверно полагает “непосредственную” связь знака и значения («выражение», «символизацию») и, таким образом, содержит логический круг: сами знак и обозначение оказываются основанными на знаке. Причина такого искажения в упрощении: в непонимании основанности знака на отражении и в рассмотрении его вне общения, замкнутым на одном субъекте.

Материалистические зарубежные и отечественные семиотики не раз критиковали огденовскую модель. Л. О. Резников, к примеру, включил в схему семиозиса отражение (с. 50), но отношение знака и значения он мыслил еще и как «выражение» и «воплощение» (с.56). А. А. Ветров заменил их «пробуждением образа»²⁵, а И.С. Нарский ввел второй субъект²⁶.

В моем понимании более полно отношения обозначения можно схематизировать следующим образом:

Схема семиозиса

Отношение 1 и 1' предшествует обозначению и служит его основой, поэтому объект (денотат) должен быть действительностью, **общей** для отправителя и получателя знака, то есть их объекты одни и те же ($\equiv$) или подобны ($\approx$). Отношение 2, 5 и 2' – психическое вызывание,

²⁴ См.: Ogden C. K., Richards I. A. Op. cit

²⁵ См. Ветров А.А. Семиотика и её основные проблемы. М., 1968, с. 115–118.

²⁶ См.: Нарский И. С. Современные проблемы теории познания диалектического материализма. М., 1970, т. 2, с. 74.

рефлекторное, ассоциативное или мысленное: образ объекта вызывает образ знака (2, 2') или образ знака – образ объекта (5).

Система отношений 1- 5 как раз и есть *обозначение*.

Разумеется, отправитель и получатель поочередно меняются местами.

Отношение 5 - 2 – соединение отправителя и получателя знака внутри одного субъекта 2 или 1 – есть общение, свернутое **внутри индивида** (так называемая *внутренняя речь*), и основа человеческого абстрактного мышления.

Бурная дискуссия 60 –70-х годов о двусторонности (билатеральности) или односторонности знака (включает он медиатор и значение или только один медиатор) осталась незавершенной, хотя споры в отношении этого идут еще со времен Гоббса и Кондильяка. Как видим, сторон у знака *гораздо больше* двух: не может быть знака не только без его материального медиатора и не только без значения – образа; для знака необходимы также его производитель, получатель, общая для них действительность – обозначаемый объект (денотат), его отражение в их сознании в образах значения, общая практика, в которой установилась общая для общающихся психическая связь значений и медиаторов, ее независимость от ситуации – итога восемь сторон знака, содержащих в свернутом виде восемь ступеней его становления.

Сущность обозначения показывает, почему неверно пирсовское отнесение образов (“изображений”) – к знаку (“иконическому”): они не просто глубоко различны; знак сам опирается на образ и является следующей ступенью развития, он вторичен по отношению к образу.

Отвечающий знаку образ у его производителя есть *подразумеваемый смысл* (ПС), а у воспринимающего знака – *воспринимаемый* смысл (ВП). Различие ПС и ВС – **недоразумение**, ложное понимание, принимаемое за истинное. В зависимости от собственного духовного содержания человек воспринимает от знака больше или меньше, чем подразумевал сообщающий.

Понимание (осмысление) знака есть воспроизведение в сознании их воспринимающего образов, подобных (☞) тем, которые имел в виду производитель знака (субъект 1). Какое-то совпадение подразумеваемого (ПС) и воспринимаемого (ВС) смыслов и образует **значение** знака, всегда общественное. Поэтому необходимое предусловие взаимного понимания в общении – **подобие** образов как знака, так и значения у общающихся, а оно может быть лишь результатом подобия их практики и ее объектов (1 и 2), базы общей семантики.

Вот почему только подобие связанных со знаком образов превращает личные меты в общественные знаки в полном смысле слова, т. е. в средства общения. Но подобие в образах и их связях у людей может быть только отражением подобия их практики. Общение основано на подобии в опыте и потому в сознании.

Разумеется, ни духовная, ни бытийная общность не бывают абсолютными, отчего в значении знаков есть не только общее для какого-то круга людей, но и индивидуальное («субъективное»), существующее только для одного человека (крайний случай – речь шизофреника). Вот почему при несовпадении опыта бывает так трудно передать другому свое представление.

Общее у подразумеваемого и воспринимаемого смысла и составляет *сообщение*. Поэтому *значением* может быть *только общее* в образах, вызываемых знаком в сознании разных людей определенного социума; значение — это понятие, связанное со знаком в сознании *общественном*, следовательно, оно столь же субъективно, сколь и объективно.

Общая практика не только порождает общий смысл – значение знаков; та же практика служит средством **проверки взаимопонимания** и исправления его искажений, – контроль говорящим понимания слушателя осуществляется по *реакции – ответным действиям* слушателя на знак. Аналогично кибернетика разрабатывает в настоящее время способы контроля по «обратной связи» искажений («шумов») в передаче информации. Вот почему – вопреки номинализму – нахождение общего в интроспекции и практических ответах определенных социальных кругов позволяет установить значение знаков вполне объективно.

Хотя словом «знак» называют также и один его медиатор, считать знаком только медиатор, а значение явлением просто сознания – неверно. Значение, конечно не заключено *внутри* знака, а лишь связано с ним, но, во-первых, оно входит в сущность знака. Во-вторых, значение – психический образ, но не всякий, а особый, языковой: это элементы *общественного* сознания, связанные со знаком и благодаря этому обобщенные, отчлененные от других образов и соотнесенные с ними, а также *обобществленные*, т. е. *подчиненные* через знак обществу, а тем самым и воле самого индивида.

Как мы уже отметили, ощущения обладают свойствами признаков. Но выявленные отношения функционирования знака показывают полную несостоятельность, возведения ощущений или хотя бы преобразованных отражений – нервных импульсов – в знаки («нервные коды»): так семиотистки объясняют психику – значит совершать логический круг, неявно предполагать внутри психики *еще одну психику*, внутри нервов –

отношения общения и обозначения, поскольку сам знак основан на психике: отражении объектов в образах и их психической связи.

Однако какое сообщение несет знак, если значение знака воспринимателю известно заранее? Новость заключается в вызывании в сознании воспринимателя образа, который в его ситуации без знака бы не появился. Отдельный знак дает *ситуативное сообщение* – новое относительно ситуации.

6. Значение знака

Что является *значением* знака?

Многочисленные концепции значения можно свести к двум.

Первая – *образная*: значение знака есть явление сознания – образ: представление или понятие (идея, концепт, сигнификат). Такое понимание значения с древности выдвигается материализмом, видящим в значении знаков отражения объектов, и объективным: идеализмом, который, однако, принимает значения за объективные идеальные сущности, «универсалии». Образная концепция (в материалистической версии) разделяется большинством отечественных семиотиков, лингвистов, психологов и логиков, хотя некоторые неточно определяют значение как отношения знака к образу.

Вторая – *объектная* (предметная, денотатная) концепция: значение знака – обозначаемые объекты (предметы, денотаты)²⁷. Объект, образы которого вызывает знак, обычно называют обозначаемым, а в специальной литературе – *денотатом* (denotation), или экстенсионалом, а их совокупность – родом, классом или объемом.

Поскольку действия и отношения тоже объективны, она включает концепции:

а) *деятельностную* (функциональную), как бихевиористскую, так и операционалистскую²⁸,

б) *структурную* (синтаксическую) Соссюра, Витгенштейна, Трира, Ельмслева, Харриса и других дескриптивистов: значение знака – его отношения с другими знаками (функционирование, применение в языке, возможные сочетания)²⁹. Этот взгляд абсолютизирует иллю-

---

²⁷ См.: Милль Дж. С.. Система логики, гл. II, М., 1899, 5; Фреге Г. Смысл и денотат, «Семиотика и информатика», 8, М., 1977, с. 183; Карнан Р.. Значение и необходимость, М., 1959, с. 205.

²⁸ См.: Peirce Ch.. Указ. соч., 1, с. 15; V. 2, стр. 315; Morris C.. Указ. соч., стр. 20, 42; Блумфилд Л. Указ. соч.; Bridgman P.M.. Указ. соч.; Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность, М., 1970, с. 45 – 47.

²⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, М., 1933, с. 112 – 116; Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt-am-Main, 1971, S. 69. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру.// В кн.: «Новое в лин-

зию составителей словарей, которые выявляют значения по контекстам и описывают их через отношение к синонимам, антонимам и другим словам («лексическим полям»), и противоречит всякому необычному употреблению слова в метафоре или новой мысли. В действительности же, наоборот, значение слова определяет его употребление, а структуралисты рассматривают не значения, а отношения значений. Так и пресловутое «измерение значения» Огсуда есть всего лишь числовое и геометрическое обозначение отношений слов к трем парам антонимов, точнее, к трем парам тощих абстракций, полученных от них посредством их метафорического осмысления.

Объектное понимание значения выдвинуто номинализмом и развивается в наши дни позитивизмом, исходящим из неприятия «экстралингвистического» мира и тем более – внутренних образов как индивидуальных и якобы недоступных объективному научному наблюдению (а только интроспекции).

Однако есть ли тогда денотат-значение у таких слов, как “русалка”, Китеж, “ничто” или “отсутствие” или они не имеют значений? Так в применении к ложным знакам, косвенным высказываниям, отрицанию и синонимии объектная концепция ведет к абсурдам, указанным Расселом и впоследствии названным «семантическими парадоксами»³⁰, или даже к признанию тех же универсалий. Другие абсурды возникают при применении к ней диалектики содержания и формы, общего и единичного, субъективного и объективного, где неудовлетворительной оказывается и образная концепция.

Их анализ позволяет сделать вывод, что значение знака – отражение, но не пассивное, а относимое к самим объектам в нашем *практическом взаимодействии* с ними, короче, значение является *практико-образным*.

Значение знака – это вызываемые им образы, а именно: образы объектов соответствующего типа (класса) – объектное значение, которое включает также эмотивное значение – образы чувств (именно образы чувств, а не сами чувства: мы можем понимать чувство другого, но не испытывать его); образы возможных действий с объектом – его обобщенное отражение, и потому средство управления нашими действиями с ним, что в свою очередь является основой *идеальности* психических образов и в то же время чувства объективности образов, направленности нашего восприятия и действия на объект [так называемой

гвистике», вып. 2, М., 1962, с. 125 - 136. Блум фил Л.. Указ. соч., с. 46 – 48.

³⁰ Russell B. Logic and knowledge, London, 1956; Фреге Г. Там же, с. 181–182.

интенции образов и указания (денотации) и репрезентации знаков]. Мы говорим о мире, а не о его образах.

Это двигательное значение порождает значение релятивное и, в частности, логическое и синтаксическое (грамматическое), – образы отношений между значениями знаков как абстракции отношений между объектами. По преимуществу синтаксическое значение имеют в естественном языке аффиксы, предлоги, послелоги и союзы, в логике – операторы $\subset$, $\wedge$, $\vee$, $\rightarrow$ и т. д., в математике – знаки математических операций $+$, 0 , $\int$, $\sqrt{\quad}$ и т. д. Поэтому ограничение синтаксическим значением правомерно только для формализованных языков, да и то при их теоретическом рассмотрении, но не в применении.

Идущее от Беркли возражение, будто образ, поскольку он единичен, не может передать общее, – недиалектично: каждый единичный образ содержит в себе общее, а общее существует только в единичном³¹; поэтому понятие столь же противоположно представлению, как и тождественно ему: поскольку знак скрепляет образы многих в чем-то подобных друг другу объектов, он служит материальным средством обобщения, образования целых систем из представлений.

Значение знака – представление, но не подробное представление конкретного объекта в целом, а объединенное и одновременно сокращенное – система элементарных представлений признаков (десигнатов), общих (инвариантных, одинаковых) у всех объектов обозначаемого типа (поскольку представления только общих признаков повторяются при многих употреблениях знака и многими разными людьми); и вместе с тем и отвлечение (абстракция) от других, индивидуальных $\equiv$ **многовариантных** признаков. Иначе говоря, значение знака есть понятие (концепт), обыденное или научное (понятие о звезде неграмотного крестьянина и астронома), или, пользуясь метким названием Канта и Гегеля, **схема**. Так, схему понятия треугольника образует представление трех линий и трех их пересечений — углов, а их цвет, размеры и т. д. допускаются любых **вариантов**; и схема возможна, потому что любой единичный треугольник содержит эти признаки треугольника вообще.

Поскольку значение есть образ, его деление подобно делению отражаемых в нем объектов; поэтому части образа – это ощущения и соединения ощущений – **черты**, т. е. тоже образы, но не «атомы», «единицы значения», так называемые «семь», «компоненты», «маркеры». Образы подчинены диалектике общего – различного, а в отношении к отражаемым объектам «по объему» более «простые» образы, наоборот, шире более «сложных».

---

³¹ См.: Кант И. Соч., т.5, М., 1966, с. 374; Гегель Г. Соч., т. 3, М., 1965, с. 263 - 266.

Идея же «сем» навеяна семиотистским воображением самого значения каким-то дискретным образованием самих по себе и отдельно друг от друга значимых частей, то есть *знаков же*. Удивительно, как при этом не замечают «парадокса» порочного круга: а что образует значение самих сем? – новые семы? – а значение новых сем? – и т. д. к дурной бесконечности.

Система значений знаков вовсе не новый «семантический язык», а мировоззрение, хотя мировоззрение шире системы значений; и образуется оно не из «сем», а из понятий, и не механическим «умножением» «семантических множителей», а образами их отношений – законов. Некоторым прикладным упрощением системы научных категорий и являются информационные «языки» («семантические коды»). Выявление системы категорий чрезвычайно важно, и над ним тысячи лет трудятся философия и специальные науки.

Выделение в образе денотата различных, но частично накладывающихся десигнатов ведет к развитию многозначности денотата – синонимии, хотя, строго говоря, различные десигнаты есть разные объекты, почему отношение значений синонимов (по выражению Соссюра, их меновая стоимость, *valeur*) приводит к их взаимному отграничению (например, появление слова *оранжевый* сузило значение слова *красный*).

Возникновение знака был великим переломом в становлении человека, если угодно, первой коммуникативной (“информационной”) “революцией”. Однако усложнение орудий и способов производства, потребления и социализации человеческих предков сделало знаки совершенно недостаточными для обеспечения **общения**.

Если при собирательстве и ловле мелких животных преобладает деятельность индивидуальная, то успешная засадная и загонная охота на зебр, диких лошадей, слонов и другого крупного зверя в одиночку или просто толпой была невозможна: двуногий бег гораздо медленнее четвероногого, и они не смогли бы догнать этих чутких, стремительных и сильных животных, а с примитивными камнями и палками не могли их одолеть даже всем стадом. Такая охота требовала **кооперации** – разделения ролей в изготовлении сложных каменных или костяных орудий, в поиске добычи, гоне, окружении, нападении, подобно тому, какое существует в стае хищников. Однако если хищники охотятся на животных, которые гораздо слабее каждого из них в отдельности, и их кооперация является чисто *ситуативной*, то предлюди охотились на гигантов, которые несопоставимо быстрее, крупнее и сильнее каждого индивида, – и побеждать их они могли только благодаря трудовой кооперации, – такой **сложности и растянутости в пространстве и времени**, что она именуется уже иначе – **орга-**

низацией и служит предпосылкой поднятия первобытного стада в **общество** ³².

Так новая производственная необходимость общественной организации сделала для предлюдей свойственные животным *выражения* и *сигнализацию*, с их ограниченностью наличной ситуацией, совершенно недостаточными.

За сотни тысячелетий развития эта потребность в принципиально новых средствах общения была удовлетворена выработкой особых знаков, прежде совершенно неизвестных даже близко, – **знаков для знаков**, которые подняли знаки над ситуацией и связали их друг с другом в принципиально новое качество, позволив, сообщать о том, что находится далеко за границами ситуации и для чего даже нет знаков.

7. Надзнаковость языка

Что это за дивные знаки?

Следующие великие ступени развития знака – выделение над прежними первичными *объектными* знаками (значениями которых являются образы объектов) знаков – **связок**, –

сначала, 9-я ступень – знаков *предикатных R*, означающих отношение значения одного знака (предиката связи *P*) к значению другого знака (ее субъекта *S*): *SRP*

а тем самым – в частности, 10-я ступень – и знаков *локационных L*, означающих отношение значения другого знака к *ситуации* (лицу, пространству, времени и т. п.),

Элементарная связь знаков в общем виде означает отнесение к одному знаку другого посредством третьего, означающего это отнесение. Поэтому элементарная связь знаков должна содержать минимум три знака: два соединяемых и еще один знак их связи.

Члены этой связи давно установлены логикой и лингвистикой: 1) *субъект (S)*, тема – знак и образ, к которому относится другой знак и образ; 2) *предикат (P)*, рема – тот знак и образ, который отнесен к *S* и 3) *связка (R)* – знак и образ связи, каковы языковые морфемы предикации (служебные слова и аффиксы), логические и математические операторы.

Сверх вызывания известных обоим говорящим образов, знаки-связки позволили передать **связь образов**, а новая связь образов и есть **новый образ**, – мысль и, следовательно, сообщение, независимое от ситуации, — абстрактное.

Связь знаков *LSRP* стала переходом на следующую ступень развития знаков — **ЯЗЫК**, и его жизнь – **речь**, потому что связь знаков по-

³² См. Л. И. Ибраев. Нааяпитеки. Происхождение человека. 2010, с.59 - 74.

зволяет обозначать то, для чего нет знаков.

Связь знаков создала из знаков систему уже *надзнакового* качества, тем самым подняла сигнализацию в язык, а соображения, соответственно, – в абстрактное *надситуативное мышление*, способное к предвидению целых серий своих и чужих действий, их отдаленных и сложно сочетаемых результатов.

Так предлюди обрели свое основное оружие и главное преимущество перед всеми животными – способность благодаря языку знать, думать и сообщать о том, чего нет перед глазами – надситуативное мышление – тем самым положили начало своей духовной свободе от ситуации.

Поскольку **предикатные знаки** означают отношение других *знаков друг к другу*, они в отдельности от других знаков *теряют* значение, т. е. становятся несамостоятельными, – “языковой *формой*”. Набор возможных для какого-то самостоятельного знака однородных несамостоятельных знаков называют *парадигмой*.

В общем виде связи знаков можно обозначить SRP и назвать утверждением (рассматривая отрицание как его вид); все остальные грамматические связи – его развитие, синонимы, конечно, со своими дополнительными десигнатами (оттенками), различными в разных языках. Так, глагол – обычно знак, соединяющий в себе P и оператор R , аналогично предикатам второй степени в символической логике; наречие есть P' к P и т. д.

Морфологические категории слов («части речи») являются снятыми (преображенными посредством аффиксов) членами предложения (почему в них есть соответствие философским категориям), а морфология – снятым синтаксисом. Естественно, что там, где нет несамостоятельных морфем, как в значительной мере в китайском или в языке глухонемых, там нет и частей речи. Таков рациональный смысл основных элементов языковой структуры, которую в структурной и генеративной лингвистике представляют автономной, а не в виде отражения в значениях знаковых связей законов отношения вещей.

Надо полагать, что первоначально субъектом утверждения был непосредственно в ситуации наличный объект или его образ, как и сейчас бывает у начинающих говорить детей, да и у взрослых в ситуативных сообщениях: при установке указателя или в речи о наличных объектах. Обращая внимание на объект, говорят: «Светает», «Собака» и т. д. Видимый объект или его образ служат субъектом этих утверждений, а взгляд или жест указания – знаком связи. Здесь слово и предложение совпадают в одном предикате. Позже, вместе с языком, развилось отнесение образа к образу. Но и отношение к речевой ситуации в языке сохраняется – в значениях знаков *локации*: отношение ко времени и пространству речи,

участникам коммуникации (лицо), модальности и т. д.

Общественно-практическая сущность значения, обозначения и общения показывает, что **язык** – система, но не автономная и саморегулирующаяся, не сочетание материальных носителей знаков *самих по себе* (речь или «текст»), которые каким-то мистическим способом находятся во «внутренних отношениях» друг с другом, «порождают» значения и «представляют» вещи, как воображают Соссюр, Ельмслев или Бенвенист. Отрыв языка от функционирования в социальной коммуникации – общепризнанный и основной изъян теории структуралистов. Именно поэтому они усматривают язык и в природе, где нет общения.

Язык социален не в том смысле, что образован конвенциональными нормами грамматики и лексики. Само значение знаков вовсе не внутри, а вне знаков – это наши образы объектов и действий с объектами. Само обозначение и общение осуществляется посредством знаков, но вне их – через нашу практику и сознание. Аналогично сама связь знаков друг с другом осуществляется тоже вне знаков – через наше сознание как связь образов обозначаемых объектов.

Таким образом, язык – только подсистема системы, именуемой **обществом**. А сами по себе, без интерпретатора, речь или текст – не какая-то автономная сущность и не система, а только физическая структура звуков или крючков, для природы даже случайная.

Связь знаков означает связь образов и порождает четвертый компонент – **дополнительный смысл** *знакосочетания* в целом (обозначим его *W*), которого нет ни в значениях *S*, *P* и *R* порознь, ни в сложении их значений. Так, словосочетание *светло-синий* дает совершенно новое значение – «голубой», какого нет ни в слове *светлый*, ни в слове *синий*. В словосочетании “*Обедающий взял голубую чашку*” появляется схематический образ пальцев, зажимающих кончиками ручку чашки, их желтый цвет, контрастный цвету чашки, приподнятость чашки над столом, хотя ни образа пальцев, ни их цвета, ни сжатости, ни стола нет в значении слова *взять* и слова *чашка*.

Это изменение смысла знаков в их сочетаниях, которое можно назвать **созначением** (*коннотацией*), а новый образ – смыслом (коннотатом), ситуативным (шире: историческим) или контекстным, является **основным законом языка**.

Он вскрывает, в частности, ошибочность расистских выводов гумбольдтианцев: указывая на то, что наше восприятие мира расчленяется понятиями – лексическими и грамматическими значениями, они изображают умы народов пленниками собственного языка³³. Идея посредст-

---

³³ . Критику гумбольдтианства см.: *Гухман М.М.*. Лингвистическая теория Л.

вующей роли языка в понимании мира, конечно, верна: каждое слово и обобщает, и расчленяет воспринимаемое. Голубизна, тяжесть, размер, форма и т. д. отдельно от целой вещи не существуют, но отдельные слова, обозначающие их, есть. И различие этого членения мира по значениям слов в разных языках – факт.

Но, с одной стороны, человек не утратил способности животных воспринимать мир и **д о** языка; само членение мира по значениям морфем порождено предшествующим о п ы т о м народа и, следовательно, вторично; с другой стороны, словосочетания порождают новый с м ы с л (W) и тем самым п р е о д о л е в а ю т о г р а н и ч е н н о с т ь значений слов и аффиксов, почему мышление снимает различие семантических структур языков. Поэтому содержание сознания намного шире всех языковых значений. Значения морфем и слов – понятия, но понятия не тождественны значениям морфем и слов, они могут быть обозначены словосочетаниями и целыми теориями.

Вот почему самые разные языки могут обслуживать однотипные культуры и наоборот. Язык – не оковы ума, а средство нашего владения чужим и своим сознанием. Гумбольдтианский же языковой фатализм выведен именно из сведения языка к словарям и грамматикам.

Однако откуда этот новый смысл знакосочетания?

Ему неоткуда взяться, как только из представления *действительности*, – *миропредставления* – как речевой предпосылки. Если морфему и слово знают, то новое слово и словосочетание *понимают*. Понимание смысла соединения знаков есть создание на основе всех их образов нового образа – такого, какой может соответствовать представлению действительности.

Поэтому всякое сочетание знаков вызывает прежде всего потребность в понимании, а причиной непонимания может быть не только незнание языка, но также незнание обозначаемого явления или оттенков его восприятия — отсутствие общего представления действительности, или слабость воображения (такие люди не понимают или почти не понимают фигуральных выражений), или, наконец, бессмысленность высказывания, невозможность его соответствия чему-либо в действительности, как это бывает при оторванности воображения от реалий у чрезмерно возбужденного или сумасшедшего, или просто от декадентской страсти эпатировать. Знакосочетание, не подтверждаемое действительностью, ничего

Вайсгерберга, в кн.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961; *Резнико в Л. О.*. Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения. // Вопросы философии, 1969, 11, с. 27; *Панфилов В.З.*, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, с. 66 - 112; Его же, Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 17 - 44.

не означает, и его загадочность возбуждает только раздражение и неудовлетворенность.

Поэтому осмысленное высказывание порождается не механическим соединением знаков. Поиски Витгенштейном формальных критериев осмысленности словосочетаний не могли привести ни к чему, кроме понятия об их *правильности*. Осмысленное высказывание порождается видением какого-то образа в действительности и нахождением соответствующих ему слов, т. е. конкретная структура и смысл знаковосочетания определяются мыслью, а не какими-то правилами, «чистыми формами», и в рамках только языка непредсказуема. Весь лингвистический формализм, и в частности школа Хомского, логически вытекает именно из понимания языка как *свода правил*, существующих в сознании говорящего. В действительности, никакого синтаксиса, отдельного от смысла, в сознании говорящего нет.

Грамматические правила (исключая орфографию и другие условные правила кодирования) являются абстракциями от законов речи, полученными наукой веками труда, но в речи о них обычно не вспоминают даже те, кто их знает, подобно тому, как природа не думает о законах Ньютона или Максвелла, хотя и действует по этим законам. Многие «трансформы» произошли из *SRP* исторически, но говорящие таких трансформаций обычно не производят.

Язык – *не* правила, а *средства* – значимые единицы; внутренняя форма языка — это значения служебных слов и аффиксов. И даже влияние образцов сочетаний языковых единиц обусловлено только тем, что несамостоятельные единицы вне этих сочетаний не существуют и вычлняются их сравнением. Нет «глубинной структуры»; есть представление *отношений* вещей, таких, как действие, его субъект, объект, атрибут, количество и т. д., единое к тому же с целым смыслом. Представление действительности и соответствие ему смысла, образуемого связью значений морфем и слов, – вот определяющий *закон* порождения и понимания знаковосочетаний, а стало быть, и другой основной закон языка.

Особый вид связи знаков – **метафора** (троп) – в широком смысле всякий *перенос* концепта на отличный тип денотата. Ее компоненты, выделяемые, например, Потебней: «сравнение» слов А и В по «общему признаку», или выделяемые Ричардсом [tenor, тема, то, что сравнивается, vehicle (передатчик), то с чем сравнивается, и основание их сравнения (ground), общее в них ³⁴], являются обычными элементами утверждения *SRP*. Поэтому метафора также не может состоять из одного слова, разве что с новым аффиксом (неологизм) или в новой ситуации. Специфика метафоры в

---

³⁴ Richards I. A.. The philosophy of rhetoric, New York, 1936, p. 93.

необычности соединения морфем или слов, создающим поэтому у них такой смысл (W), который не является обычным в языке их значением.

По характеру своего образа (W) метафоры могут быть самыми различными: наглядными (Пушкин: у фонтана «серебряная пыль»), эмоциональными (Лермонтов: «Ее степей холодное молчанье»), понятийными (Гете: «Теория, мой друг, сера»; теория не имеет цвета – подразумеваются ее схемы, которые неполнотой похожи на серый цвет). Поскольку метафора опирается на содержательное отношение – *подобие*, неудачны попытки семиотистов представить ее через пересечения и объединения теории множеств (*resp.* логики классов), рассматривающих отношения не подобия, а количественные (~ экстенциональные).

Речь (употребление языка) состоит в образовании знакосочетаний для обозначения различных явлений, в частности, и новых для нас; а обозначение старыми знаками нового явления и есть метафора, которая поэтому в рамках языка тем более непредсказуема. Метафора – порождение противоречия языка с видением действительности – недостаточности языка – и одновременно средство преодоления этого противоречия, средство развития языка. Естественна ее широкая распространенность в речи: *тонкий голос, солнце встает, ножки стола* и т. д. Она обычна даже в науке: *электромагнитные волны, спин*, да и сами термины *метафора, vehicle*. В математическом уравнении любого физического закона приравняются различные сущности; например, в законе Бойля – Мариотта $P_1/P_2 = V_2/V_1$ – отношение сил давления сравнивается с отношением объема газа.

Особая метафоричность художественной речи обусловлена потребностью обозначать многообразие восприятий, часто очень необычных. Но не в метафорах источник поэтичности, как полагают формалисты, заподозрившие в ней средство обновления («остранения») и продления восприятия («затруднения»). Такое поспешное заключение толкает к самоцельной погоне за метафорами, хотя метафора употребляется и в сухих научных текстах, а поэзия, как давно показано, возможна и без метафор, например, у Пушкина они не часты. Истинная метафора порождается видением нового в мире, а самоцельная новизна словосочетаний ничему не соответствует в мире и не порождает нового представления, а только раздражает невразумительностью и вычурностью.

Лексическая необычность словосочетания в метафоре не мешает ей стать банальной, но она остается метафорой, пока смысл ее предиката (*vehicle*) в языковом сознании противопоставлен его значению и поэтому не употребляется вне этого частного словосочетания. Но когда метафора применена для обозначения не особенностей индивидуального восприятия, как обычно в художественной литературе, а для указания на обще-

значимую новую черту (десигнат), тогда контекстный метафорический смысл слова превращается в самостоятельное новое языковое значение, как недавно произошло со словами *поле* (тяготения), *мантия* (Земли), *спутник* (планеты), *память* (компьютера) и др.

Метафора — обычный путь развития значения слова, источник его многозначности. Метафорически изменяются значения даже аффиксов, отчего первоначально совпадающие с подлежащим и сказуемым *S* и *P* могут переместиться вплоть до обратного первоначальному, как в пассиве и эргативе; *Рабочие (S) построили дом* → *Дом (S) построен рабочими*. Соотношение значения и нового употребления (контекстного смысла) является метафорой; соотношение старого и нового значения – снятая, обычно внутрисловная (из морфем) метафора – именуется по Платону, Гумбольдту и Потембне «внутренней формой» слова, а целый ряд внутренних форм – родственные отношения слова – его *этимологией*.

Многозначность знака превращает связанные с ним другие знаки (контекст) в дополнительный знак, выявляющий одно из его многих значений (в примере *взять чашку* реализуется значение «охватить») и исключающий другие (*унести, получить, овладеть* и т. д.)

Действительность – речь и понимание её смысла – возникает из многих возможностей – значений морфем.

Таким образом, с одной стороны, смысл знаковосочетания – это функция возможных значений знака и *миропредставления*, а с другой, реальное значение знака определяется знаковосочетанием как дополнительным знаком. Вне контекста смысл многозначного слова остается неизвестным. Поэтому причина языковых недоразумений не просто в многозначности слов, как считают номиналисты, а еще в недостаточности контекста. Соответственно избавление от путаницы не просто во введении однозначных искусственных слов (терминов) и знаков, хотя и оно нужно.

Абсолютная окончательная однозначность – утопия. В казалось бы однозначном знаке с развитием познания не исключено обнаружение разных значений. Так было с понятиями $\int$, *Si* или ∞ , и никакой термин или знак не спасает от этого противоречия, требующего введения дополнительных знаков $\oint$, ^{28}Si , актуальная ∞ .

Первое средство от языковых недоразумений – уточнение *контекста*, в частности *определения*, а термин или знак является всего лишь кратким обозначением смысла этого контекста.

Восприимчивость звуковых и письменных знаков не только для других, но и для самого их автора создает возможность совпадения производителя и воспринимателя знаков в одном лице и позволяет знакам выполнять функцию средства *запоминания* (меты) во внешней и внутрен-

ней речи, средства оперирования знаками с самим собой (рассуждения), а через них – оперирования образами не только других людей, но и своих собственных – средством *мышления*.

Неверно противопоставлять общение и мышление как функции языка. У человека нет общения без мысли, а человеческое мышление есть преобразованное общение, диалог с самим собой и потому вторично: на основе коммуникативной функции языка развивается функция мыслительная. Причем и здесь связь предшествующих мыслей с последующими возможна благодаря не просто звучанию предшествующей речи или даже его «компрессии»³⁵ – ведь оно уже не существует, – а благодаря сохранению в сознании в качестве предпосылки новой речи *смыслового образа* отзвучавшей речи.

Образное мышление, свойственное уже высшим животным, в соединении с языком обретает возможность внеситуативности и переходит в абстрактное понятийное мышление человека. Психическая связь (соответствие) образов знака и обозначаемого позволяет знаку выступать для сознания в качестве заместителя образов и вещей: действие над вещами заменяется действиями над образами (воображение), над образами их знаков (рассуждение) и над знаками (работа компьютера).

Такие образом, язык развился из предзнаков и знаков и содержит их в себе диалектически снятыми: язык образован связью знаков, а элементы языкового материала (фонемы, интонемы, ударения, смысловозначительная долготность, паузы и порядок этих материальных элементов) – искусственные типизированные признаки (меты), выражения и сигналы.

Но кроме предзнаковых и знаковых элементов системы языка, предзнаки и знаки содержатся также и в речи – в качестве *агрегатных включений* древних слоев. Рассмотрим их.

1. Антропологическими и социальными *речевыми признаками* являются признаки пола и возраста говорящего, его социального происхождения, профессии и культурного уровня и заключаются они не только в тембре, громкости и высоте голоса, интонациях и скорости речи, за изучение чего взялись теперь паралингвисты, но и в отборе лексики и грамматических оборотов (стиле), откуда и развиваются *языковые признаки*; книжность, просторечие, архаичность и другие признаки положения элемента в языковой истории и системе.

2. *Речевыми выражениями* являются эмоциональные

---

³⁵ Ср.: *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи. // «Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии „Язык и мышление“. М., 1965, с. 31–33.

интонации и междометия, которые не разложимы на морфемы фонемы (содержат звуки, не встречающиеся в языке), лишены концепта и не могут вступать в грамматические связи с другими словами как члены предложения, следовательно, не входят в систему языка, — в отличие от эмотивных значений слов (*глаза – очи*) и аффиксов (*глазоньки*); хотя любое слово может превратиться в выражение (в восклицаниях и ругательствах), как междометие – в слово (*твои ахи, ахать*).

3. В с и г н а л ы «опускаются» слова, указывающие непосредственно на ситуацию и побуждающие к непосредственному действию, каковы императив, пароли или команды: *на!*, *тсс!*, *стоп!*, *вон!* Стартовое спортивное *марш!* и т. п., которые почти свободны от образного значения и потому могут быть заменены жестом или даже выстрелом; о древности императива свидетельствует его совпадение почти во всех флективных языках с корнем.

4. Наконец, в качестве з н а к а могут выступать отдельно употребленные в отнесении к ситуации морфемы и устойчивые объединения морфем: слитные слова (одноморфемные или многоморфемные, но утратившие внутреннюю форму от постоянного слитного употребления) и даже шаблонные словосочетания, например, этикетные: *Добрый день! Как дела? Спасибо!* и т. п.

Но язык – новое качество, не сводимое к знакам и предзнакам. Специфику языка нужно искать не на уровне знаков; простое перечисление слов: *голубой, брать,, чашка* – и тем более морфем: *голуб-, бра-, ой-, -ть* – предстает бессмыслицей, потому что лишено связи. Отдельные знаки еще не язык. Язык образует **связь** знаков (*SRP*) в сверхзнаковые единицы – предложения и незаконченные предложения – свободные многоморфемные слова и словосочетания – посредством выделения над объективными знаками новых предикатных знаков (**R**), означающих отношения знаков друг к другу.

Эта **предикатная сущность** языка и его реальности (речи) определяет их отличие от знака – новые, сверхзнаковые законы, следующие один из другого:

1) п р е д и к а т н о с т ь языка, но только объектность (номинативность) первичных знаков; отсюда

2) с в я з н о с т ь речи, но разрозненность первичных знаков; отсюда

3) с е м и у р о в н е в а я и е р а р х и ч н о с т ь языка: меты фонем → фонемы → морфемы (в свою очередь трех уровней: объектные, локационные и предикатные) → слова (точнее, лексемы) → синтагмы → предложения → сложные предложения → речь. Даже знаки не идут дальше третьей сту-

пени, а выражения одноуровневые. Давно замеченное различие: членораздельность (артикулированность) человеческой речи, но однородность голосов животных – является внешним проявлением иерархической структуры речи; отсюда

4) **т в о р и м о с т ь** речи, но данность знака; отсюда

5) **п о н и м а н и е** речи, но знание знака, иначе говоря, – порождение речи в единстве со смыслом и порождение речью смысла – из соотношений значений слов, аффиксов и миропредставления; отсюда:

б) **с м ы с л** речи, но **з н а ч е н и е** знака.

У знаков актуально только значение, потому что подразумеваемый и воспринимаемый смысл знаков – вне их функции; употребление **з н а к а** – локация, его отнесение к ситуации, есть сообщение; но у знакосочетаний возникает смысл (*W*), превосходящий сочетаемые значения, у предложения – смысл, отнесенный к действительности, – суждение, мысль; отсюда

7) **н а д с и т у а т и в н о с т ь** языка: возможность абстрагирования речи от ситуации, отнесения к действительности вообще или даже к воображаемому, но непереносимая ситуативность применения первичных знаков; отсюда

8) **м е т а ф о р и ч н о с т ь** языка, но прямозначность первичного знака. Ситуативная обусловленность медиатора, значения и применения первичных знаков исключают их метафоризацию. Невозможно поклониться метафорически, потому что жест невозможно оторвать от жестикулирующего человека и даже от его объекта: поклон, когда никого нет, просто теряет смысл, а не обретает метафорический. Но в речи слово поклон легко употребляется метафорически (*собственность поклоняется золоту*); отсюда

9) **п о с т о я н н о е с е м а н т и ч е с к о е р а з в и т и е** языка, но большая устойчивость значений первичных знаков; отсюда

10) **м н о г о з н а ч н о с т ь м о р ф е м и с л о в** — при движении к однозначности предложения, но обычно однозначность первичных знаков; отсюда

11) **с н я т о с т ь** (обратная преобразенность) **с а м и х з н а к о в** языком: морфемы и слова теряют самостоятельность и прежнее знаковое качество; вне предложения они не имеют определенного значения и существуют только в словарях, но не на практике. Употребление слова, даже одного, есть предложение;

12) **н е о г р а н и ч е н н о с т ь** языка, но замкнутость знаков. Для сигнализации животных или дорожных знаков легко составить список, и других значений они выразить не в состоянии. А в языке огромное, но тем

не менее ограниченное количество морфем в их сочетаниях дает неограниченное количество слов, а сочетание слов дает неограниченное количество предложений;

13) новые функции языка: *организационная* (труда и общественного бытия), *мыслительная* (обобщения, абстракции и оперирования понятиями) и – шире – *волевая* (самоуправление сознанием), а у первичных знаков функции только координационная, коммуникативная и мнемоническая.

Как видим, различия существенны.

Таким образом, **язык** – система предзнаковых (меты фонем, фонемы, интонемы, паузы и т. д.), знаковых (морфемы, слитные слова и шаблонные словосочетания) и надзнаковых (членимые слова, словосочетания и предложения) элементов, в которой знаки сняты надзнаками. Не в том дело, что язык не образован из знаков, а в том, что он содержит их в себе подчиненными новым, уже не знаковым, а языковым законам. Так, молекула образована из атомов, но молекула – не атом и не множество атомов, а система нового качества – новых свойств и законов.

Отсюда вытекает ошибочность семиотизма: семиотика вовсе не поглощает лингвистику, как и лингвистика не включает семиотику, а обе являются самостоятельными науками, отношение которых, подобно отношению других разноуровневых наук, следует закону связи, но несводимости форм движения материи.

Так, живая клетка образована из молекул, и биология опирается на химию в изучении молекул и их взаимодействий в клетке. Тем не менее биология – не химия, а самостоятельная наука со своим особым предметом исследований, методами, категориями и законами.

8. Искусственные знаки

Однако с развитием цивилизации и речь тоже стала недостаточным средством общения и овладения сознанием – недостаточной по своим возможностям, прежде всего – из-за своей текучести, – и труд создал более устойчивые и точные средства:

1) искусственные образы – *изображения* и

2) *изобретенные знаки* – “искусственные” не только по их производству при пользовании, но и по самому происхождению схемы их медиатора.

Первое такое средство, 11-я ступень – *искусственные знаки*, вторичные, получаемые сокращенным типизированным изображением, но не самого обозначаемого явления (что уже не было бы знаком), а только какого-то его броского признака, иначе говоря, *мета*, но отделенная от сво-

его типа объектов, как изобразительная метафора. Таковы стихийные и многие кодифицированные жесты, символы и письма. Это условные жесты, как телесные, так и голосовые (многие идеофоны: *йих*, *трах* и т. д.), символы, письма и многие человеческие сигналы. **Символ** — искусственно выделенный признак (не случайно *συμβολον* — по-гречески «примета») — вещь или ее изображение, вынесенные из их закономерной ситуации в знаковую.

Поскольку признак имеет много объективных связей с другими явлениями, поэтому такой *самозначный символ* — художественный, мифологический, рекламный или корпоративный — тоже многозначен, — в отличие от 12-й ступени *договорных* (условных, конвенциональных) знаков, искусственных в прямом смысле и поэтому более однозначных, — каковы эмблемы, аллегии, юридические или научные символы — изображения, значение которых обусловлено не столько их объективными связями, сколько истолкованием, от намеков до теории, т. е. соглашением.

Искусственные знаки обычно специализированы к выполнению какой-нибудь одной функции: скажем, письма как система мет — только для запоминания и сообщения, дорожные или воинские знаки — только для сообщения, логическая или математическая символика — в первую очередь для мышления, анализа задач.

Искусственные условные знаки часто выступают в качестве *кодов* (13-я ступень).

Коды — не любые знаки или языки («совокупность конвенциональных правил»), как неряшливо щеголяют этим модным словом структуралисты.

Коды — это знаки знаков. Например, по отношению к числительным коды представляют собой цифры, по отношению к фонемам — буквы, по отношению к буквам — знаки Морзе, пальцевой азбуки глухонемых или двоичные числа в компьютерах. Обозначение знаков другими знаками — их преобразование, кодирование — вызвано в общественной жизни необходимостью сохранения тайны (секретные коды — шифры); в науке — необходимостью облегчения обозримости и уточнения математических вычислений и других рассуждений, их автоматизацией в компьютерах (формализация); в системах связи и автоматики — необходимостью приспособления к материальным возможностям каналов связи на их физических границах. Однако любые коды по своей сущности вторичны, существуют на основе других знаков, поэтому они не особая самостоятельная система знаков, а только иная манифестация определенной семантической области естественного языка.

Хотя по ступени развития место символа в нашем анализе

именно здесь, мы вынесли понятие о нем также и в начало, потому что только сравнение с развитой формой знака служит ключом к объяснению отличия и генетической классификации более низких семиотических явлений.

Обычно коды не являются языками, даже искусственными, потому что они не имеют связок (R) и не производят нового смысла (W). Письмена или даже дорожные знаки (где уже есть соединение с общей метой указания, запрета или предписания) просто стоят рядом: ограничить скорость, поворот и т. д. Поэтому они – не связная система, а только набор.

Некоторое исключение составляет символика логики, математики и программирования компьютеров; в ней есть *операторы* и потому не только значение, но и производный смысл, понимаемый человеком, но обозначаемый новым знаком (знаком результата операции). Но зато в них, если только они не прилагаются к решению конкретной задачи, нет объектных и локационных знаков, а только знаки объектных знаков («переменные»). Поэтому если они языки, то формализованные.

Однако любые коды по самой своей сущности вторичны, существуют на основе естественного языка, поэтому это не особая самостоятельная система знаков, а только и н а я манифестация определенной семантической области естественного языка. Действительно искусственными языками являются жестовый язык глухонемых, эсперанто, идо и т. п.